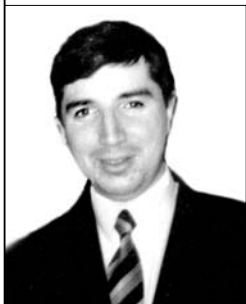

РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

Что нам несут импортные слова и вещи?

Арсений Александрович Замостьянов

В знаменитом рассказе про Шерлока Холмса, в котором сыщик предпринял поездку в Швейцарию, говорится мимоходом: «Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать». Вот так от Холмса мы впервые узнали, что покупка отечественного товара — это дело ответственное, с социальными последствиями. Что уж говорить об отношении к языку, к традициям и памятникам родной культуры?

- иноязычные заимствования
- импорт товаров
- искажение сознания
- воспитание оседлого гражданина России

Без слов «тренд, бренд и контент, драйв, кул и Раша» скоро не будут обходиться даже заметки о погоде. Язык убивают не орфоэпические ошибки, не ошибки в ударениях.

Господин, который прилюдно раздаёт замечания за «шо́фера» и «пинжак» — куда более невежественное существо,

чем его простодушные «жертвы», которые говорят не по словарю, без прилежных орфоэпических усилий, зато по-русски! Самое страшное — когда умирает интонация, когда междометия и эмоции становятся заёмными. И классическая — из Малого театра и Александринки, — и простецкая, уличная, подъяческая, без которой русская литература оказалась бы опреснённой. От радости теперь кричат не «Ура!», а «Wow!» и «Yes!». А от неожиданности — «Ouch!», и никакого старорусского оханья. Становится расхожим и странное выражение «Оу-Оу!», которое теперь куда чаще услышишь, чем русский возглас удивления «Ого!». Это последний штрих картины, в которой сгрудились ино-марки, «Макдональдс» и MTV. А своего всё меньше, и нет даже потребности в отечественном. Уходят русские междометия — а значит, уходят тонкие оттенки характера.

Я, помню, году в 1997-м пол-Москвы обошёл в поисках отечественных лампочек. В магазинах в изобилии лежали импортные в аккуратных коробочках. А нашенскими торговали на прокуренных толкучках: бедных сирот не пускали в высший свет торговли, в мир брендов и евроремонта. Тем временем, в бывших цехах МЭЛЗа торговали китайским и турецким ширпотребом. Какое уж тут «Ура!»? «Wow!», да и только. Закрытые цеха — это не только удар отечественному производству. Это пополнение армии бомжей, алкоголиков, преступников на несколько поколений вперёд.

Сейчас у нас не считается зазорным проповедовать врождённое неравенство людей: дескать, всё предопределено, одни должны торговать нефтью, другие — спиваться к тринадцати годам. Генетика! «Генетика» стала аргументом, превращающим нас в лежачих камней. Самое страшное, что нам предлагают смириться и разувериться в силе Просвещения, в силе воспитания. В уголовных колонках свободной прессы публиковались занимательные истории: в пьяной драке сын зарезал отца и мать. За два года до преступления закрылся завод, где работал

глава семьи. Дешёвая ельцинская водка продавалась круглосуточно в шаговой доступности... Об этом я вспоминал, когда видел на прилавках импортные лампочки.

Мы не призываем к «железному занавесу» а-ля чучхе. Импорт даже полезен в тех случаях, когда «Шишков, прости, не знаю, как перевести». Но мы потеряли меру в увлечении импортным товаром и заёмными образами. Перенасыщенное иностранщиной бытие определяет искажённое сознание. Не оседлое, а кочевое. Если мы даже эмоции выражаем английскими возгласами, то могут ли молодые честолюбцы не стремиться в столицы мира? С малых лет для них самое родное, самое священное место на земле, от которого замирает сердце — не Красная площадь, а какой-нибудь парижский или нью-йоркский глянцевого уголок. Эту картинку они видели в детских журналах, а самые счастливые уже побывали с родителями возле Сакре-Кёр, на Канарах или на Манхеттене и рисуют эти чудеса света в школьных альбомах. У каждого уже есть любимые эпизоды из американского кино — необыкновенно эффектные. Любимые — это полбеды. Хуже, что они стали для многих из нас *родными*. И кто разберёт — где здесь всемирная отзывчивость русского человека, а где порабощение? Поэтому я радуюсь, когда премьер-министр России поёт «С чего начинается Родина» и поигрывает цитатами из фильма «Щит и меч», в котором Станислав Любшин сыграл, пожалуй, лучшую роль в истории остросюжетного кино. Ни у Хичкока, ни у Кополы актёры не демонстрировали таких крепких и тонких кружев. На тех глубинах, где работал в 1968 году Любшин, у них кровь горлом пошла бы.

Когда мы начали говорить «Wow!»? Многие считают преддверстоечный Советский Союз страной обречённой. Не могу с этим согласиться. Страна могла прийти к новому взлёту в производстве, в науке, в культуре, сохранив социалистическую систему. Несправедливо называть эпохой «застоя» времена геолога

Козловского, космонавтов Гречко и Джанибекова, времена Тихонова в хоккее, Злобина в строительстве, Григоровича в балете, времена буровиков Шакшина, Левина, Петрова... Можно долго перечислять славных оружейников, писателей, артистов, инженеров, бригадиров, которые реализовались в годы «застоя» никак не вопреки, а благодаря той самой системе.

В первые же годы перестройки созидательный труд оказался на задворках общественного внимания. Время короновало других героев — авантюристов и ловкачей, провокаторов и ораторов с проливной слюной. Это столбовая дорога к одичанию, и в 1992-м начался настоящий — без кавычек — застой для науки, промышленности и культуры. Но, конечно, и советская реальность не пахла сплошь фиалками. Худшее, что было в СССР в последнее десятилетие его существования — это бытовое низкопоклонство перед Западом. Самой престижной школьной дисциплиной стал иностранный язык. Не физика и алгебра, помогающие нам создавать ракеты и самолёты.

Не русская литература, лучше которой нет на Земле. А English, ведь он давал возможность крутиться рядом с иностранцами и прыгать по заграницам. Такая система ценностей: не ракеты и книги, а джинсы и видеокассеты. Кто-то, конечно, увлекался английским из высоких побуждений, но основным мотивом, увы, была фарцовка. Образ Михалкова: «С умилением глядят на заграничные наклейки» — с каждой пятилеткой становился всё злободневнее. И лукавит стилиста из пьесы Славкина, который напустил сарказму: «Тридцать лет им понадобилось, чтобы понять, что кока-кола — это просто лимонад». И кола, и джинсы были не просто лимонадом и штанами, это кукиш и фетиш. Это козыри в идеологическом преферансе. Но главное — фетиш.

Так давайте немного посвятотатствуем.

Попробуйте положить в передний карман классических джинсов гвоздь или хотя бы булавочку. Положили? А теперь сделайте пять приседаний. Или просто присядьте на стул, а потом встаньте. Покройчик-то не идеальный! Да и ткань жестковатая, шершавая. Говорят: джинсы прочны, неприхотливы. Но нашенькие рабочие комбинезоны в этом не уступят: ноские — будь здоров! Но из джинсов сделали предмет культа, бренд. В нашей стра-

не они демонстрировали победное шествие капитализма.

Двадцать лет назад был знаменит на всю Россию политик Николай Травкин. В скороспелых учебниках истории даже была такая глава — «Деятельность Травкина». Унылой осенью 1991 года он выступил с захватским интервью: «Новый год будем встречать с французским шампанским». Вот оно, счастье временщиков. И какое нам дело до Абрау-Дюрсо. Вторил Травкину один из премьер-министров России: «Мы столько газа в этом году продали, что можем себе позволить всё лучшее — и французское шампанское!». «Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский».

Праздников у нас нынче много. Скоро красных дней календаря будет больше, чем будних. Отменно, что в этом году на витринах, на плакатах, на улицах городов мы снова видели настоящих Дедов Морозов в тулупах до пят, а не «околпаченных» Санта-Клаусов. Вот только лучшие ёлки доставляются в Россию с родины принца Гамлета. «Отборные датские ёлки отправляются в столицу прямыми поставками. Элитные ёлки из Дании!», — кричит реклама. Мы радостно поддерживаем датское лесное хозяйство. А ведь на эти деньги можно было бы прибраться в собственном лесу. Но нашим лесничествам не дают возможности заработать на элитных ёлках, а ведь русскому лесу ох, как нужна копеечка! Мне скажут: это честная конкуренция. Датские ёлки качественнее. Но у нас никогда не будет качественных, если будем полагаться на датские топоры.

Когда в наш дом приходит другой праздник — день рождения — звучит песня на английском языке. И 25 лет назад (когда ускорение ещё окончательно не выродилось в перестройку!) на уроках английского языка русские школьники изучали песенку «Happy birthday to you!». Но её воспринимали как английскую экзотику, не более. А сейчас

этот пластмассовый мотив (ведь, право слово, ни уму, ни сердцу!) звучит и в детских садах, и в кремлёвских чертогах. Чем хуже песня Шаинского и Тимофеевского, которую ещё недавно знал в СССР «всяк суший в нём язык»?

На стадионах нечасто услышишь «Шайбу, шайбу! Молодцы!» — а ведь за этим кличем стоит истинно российский сюжет: впервые так приветствовали негнбаемого хоккейного капитана Бориса Майорова, когда он вышел на футбольное поле. Красивая легенда советского спорта позабыта. Слово «молодцы» тоже крепкого нашенского корня. Зато повсю звучит «Оле-оле», и столицу России русские болельщики (на английский лад — фанаты) в своих речёвках почему-то всё чаще называют «Москоу». Не помят родства. Мы теперь ввозим не только мясо и технику, но и ритуальные песенки. Импортируем улыбки, праздничный задор, всё у нас теперь заёмное, привозное.

Андрей Вознесенский писал:

Научно-технические обмены отменны.
Посылаем Терпсихору — получаем пепси-колу.
Сегодня мы закупаем и Терпсихору.

А что «посылаем»?

Князь Святослав в Несторовой летописи рассуждает: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы». Политические реалии X века трудненько переводить на наши деньги. Спишем это рассуждение великого воина на временное помутнение ума... Но замените Киев на Москву, а болгарский Переяславец на Куршавель — и получите актуальное признание современного элитария России.

Пётр Великий с его «окном в Европу» не имеет никакого отношения к современному либеральному западничеству, потому что это

западничество — лакейское. Пётр, по выражению Сталина, «лихорадочно строил заводы и фабрики», а они демонтируют всё индустриальное, всё созидательное. Они устроили нам «переходную экономику», при которой инженеры торгуют спиртом «Рояль» в подземных переходах. А Пётр провидел инженерную Россию. Пётр создавал могущественную империю, которая стремилась утереть носы западным учителям — а наши «европейцы» с гордостью носят титулы мистеров «Да». Воинская держава, которую строил Пётр, была гарантом суверенности русского языка, русской культуры.

Пушкин писал о Петре как поэт и историк, в его стихах об императоре не было случайных слов:

Не презирал страны родной,
Он знал её предназначенье.

Именно так! И это Пётр говорил: «Природа произвела Россию только одну: она соперниц не имеет». Петровский толчок окрылил Ломоносова и Суворова, Потёмкина и Румянцева.

Но революции требуют жертв. И в петровской империи, увы, сформировалась галломанская элита. Для них Россия была «дойной коровой», источником аграрных капиталов, а для ума и сердца они предпочитали всё иностранное — от музыки и литературы до языка.

У Пушкина есть всем известные грустные строки о Татьяне:

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалась с трудом
На языке своём родном...

Здесь, конечно, речь идёт о письменной, а не об устной речи, но в любом случае ситуация прискорбная. Для нескольких поколений русской элиты французский язык был престижнее и привычнее родного. Потребовались героические усилия

таких титанов, как Суворов, Державин, Пушкин, Гоголь, чтобы не только в хижинах, но и во дворцах России главным языком стал русский. А то ведь даже такой патриот, как министр Просвещения С.С. Уваров главные свои сочинения писал по-французски... Ничего в этом нет благородного, стыд и срам, да и только. Этот срам надолго в нас застрял. Вспомним театральную репризу Тренёва: «Пустите Дуньку в Европу». Сквозит в ней уверенность, что для нашенской Дуньки Европа есть высшая инстанция. Эту легкомысленную, постыдную уверенность потом пришлось выкорчёвывать в годы борьбы с «безродными космополитами».

Но почему же сегодня, когда Россия отстояла свой язык, литературу, науку, музыку, над Москвой парят неоновые латинские буквы? «Aragat Nyatt», — нахально, напоказ горят над Неглинной и Пушечной эти буквы. А над грозным в его наркомовской аскезе Домом на набережной взмыла эмблема (сейчас ещё говорят — *логотип*) «Мерседеса». Давненько она там торчит, уже, пожалуй, лет десять. Вроде бы вывески на иностранных языках запрещены, а вот ведь вылезают. Мы теряем языковую независимость, легко сдаём культурный суверенитет.

Вот шведы уже смирились с тем, что витриной их государства стали песенки группы «Абба» на английском языке. Шведам не стыдно. По скандинавам английский язык ударил, как атомная бомба по Нагасаки. Многие шведы, норвежцы сызмальства лучше говорят и пишут по-английски, чем на родном языке. А у нас — почему, вместо привычных кинопроб внедряется понятие «кастинг»? Чтобы не было самобытного российского, советского кинематографа, который произрастал из Толстого, из Горького, из Станиславского и выдвинул собственных классиков?..

Молодой Вяземский смеялся над квасным патриотизмом. Но что может быть лучше русского кваса и калачей-замков, обсыпанных мукой, которые пропали безвозвратно? Я радовался, когда минувшим летом в смертоносную жару москвичи всё чаще спасались квасом. Да, это был не вполне настоящий квас, а бутылочный, долгоиграющий, но всё-таки не сахарная кола. Радуюсь, когда вижу ларьки

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ

с блинами и пирогами. Вот только в каждом подмосковном райцентре нынче по четыре «Макдональдса». Ох, погубят нас две развесёлые империи — «Макдональдс» и MTV.

В России есть вся таблица Менделеева не только в химии, но и в культуре. Господство иностранщины прижимает к земле русские души, вызывает апатию и одичание. «Если мы ни на что не годны — то и гори всё синим пламенем!». Нет, уж лучше плохонькое, но своё: чтобы наш человек трудился, а не деградировал. А у нас ведь не только плохонькое имеется, но и великое своё. Мы богаты, но проматываем богатство... Образом жизни становится туризм — калейдоскоп верхогледства. Антипод туриста — хозяин. Вдумчивый, рачительный хозяин, который крепко стоит на родной земле и понимает свою страну с полуслова — так, как никогда не поймёт чужую страну даже самый ухватистый турист!

Государство Московское начиналось с протекционистских мер и возрождалось после смуты с помощью таможи — при первом Романове и патриархе Филарете. Теперь нам хотят вставить стеклянные глаза, навязать ракурс, который обесценивает всё, на что Россия тратила силы.

Школа в такой ситуации остаётся единственным носителем родной культуры. Не на телевидение же надеяться и уж никак не на Интернет! Это нужно осознать при работе над программами по любой дисциплине. Наша цель — формирование **оседлого** гражданина России.

Промышленная продукция, язык, идеи — всё взаимосвязано. И на всех фронтах отечественное нам придётся защищать от натиска иностранного. Утратим бдительность — и не заметим, как потеряем кириллицу, потеряем русскую речь. А в этом не заинтересованы все оседлые граждане России. **НО**